Только тогда, когда страданіе, любовь, или вообще какія бы то ни было движенія человѣческаго духа пережиты и онъ можетъ относиться къ нимъ спокойно, только тогда возможно и для художника и для мыслителя ихъ объективное воспроизведеніе и ихъ безпристрастная оцѣнка.

Нужны или нѣтъ для человѣчества науки и искусства—это вопросъ, о которомъ можно спорить, какъ это и дѣлаютъ Руссо и гр. Толстой; но несомнѣнно, что они возможны только тамъ, гдѣ заботы и злоба дня не поглощаютъ всего человѣка.

Цѣль науки составляютъ отвлеченныя истины, цѣль искусства художественная правда и красота; можно находить, что ни отвлеченныя истины, ни красота не улучшаютъ удѣлъ человѣчества, но нельзя навязывать ученому и художнику еще другихъ цѣлей, потому что цѣли эти могутъ быть несовмѣстимы съ его главной задачей.

Научная истина можетъ быть полезна, но не потому, что при изысканіи ея имѣлась въ виду практическая польза, а потому, что она есть *истина*, на прочномъ основаніи которой можно строить какіе угодно практическіе выводы. Наоборотъ, какъ только въ научное изслѣдованіе вносится вопросъ о тѣхъ или другихъ нравственныхъ, или практическихъ результатахъ, оно становится тенденціознымъ. и вмѣсто точныхъ научныхъ положеній получаются фантастическія гипотезы, все равно будутъ ли онѣ